

Милях в четырех от Каунпура на скалистом правом берегу Гангеса, в темном и почти дремучем лесу находятся замечательные руины. То остатки² нескольких огромных древних городов, построенных один на развалинах другого. От последнего остались одни лишь колоссальные куски стен, бойниц, храмов да развалины когда-то величественных дворцов, от которых там и сям уцелело по одной, много по две комнаты, скорее, стены³ бывших покоев. Над этими стенами бедные поселяне начали устраивать крыши из листвы и селиться в них, пока мало-помалу не превратили древнего города Джаджмóу⁴ в деревню. Но развалины тянутся на много миль, а новое поселение скучилось кое-как, оставив прочие руины в полное владение обезьянам⁵. Об этих городах история (англичан) умалчивает, отвергая предания летописей Индии, что Джаджмóу стоит на месте родной сестры и соперницы своей, Асгарты – города солнца. Асгарта, по словам древней летописи в Пуранах, построена сынами солнца два века спустя по взятии царем Рамою острова Ланки, то есть за⁶ 5000 лет до Р.Х. по летосчислению браманов. А прошлое Джаджмóу, несколько раз разоренного⁷ набегами из-за Гималайских гор, совершенно неизвестно европейским историкам. Раз только упоминается этот таинственный, ныне «не помнящий родства» город – это в автобиографии Бабера (Загир-Эддин-Магомета⁸), могульского императора, жившего в начале XVI века⁹. В одной из его многочисленных кампаний против афганцев последние искали убежища и пожелали укрепиться в *древнем* городе Джаджмóу – пишет султан. Но Хумайюн¹⁰, его сын, разбил их. Таким образом, эти развалины одно из многих мест, совершенно неизвестных англичанам ни в прошлом своем, ни, добавим, в настоящем.

Дорога к Джаджмóу ужасная. Мы ехали на слонах, и только благодаря твердой поступи этих умных животных не полетели несколько раз в глубокие овраги, как и не повисли новыми Авессаломами за волосы на ветках¹¹. Тихо и осторожно ступали слоны по карнизам обрывов, останавливаясь перед каждым низко висящим сучком и раздробив его на щепки хоботом, прежде чем сделать хоть¹² шаг далее. Собственно им, слонам, ветки и не мешали: но они уже так приучены и относятся к ездокам необычайно понятливо. Мы ехали мили три по скалам и лесу, прежде чем доехали до первых развалин, и почти все¹³ время по узким тропинкам, по которым не проехать даже и туземной скорлупе на быках, называемой «эжкой». Наконец, мы стали проходить пред жилыми зданиями из одного оврага в другой, из ямы в провалы и, окончательно попав¹⁴ на

¹ В «Московских ведомостях»: Письмо XX–XXI.

² В «Московских ведомостях»: останки.

³ В «Московских ведомостях»: комнаты или, скорее, стен.

⁴ Джаджмау (*англ.* Jaṁtau).

⁵ В «Московских ведомостях»: обезьян.

⁶ В «Московских ведомостях»: Асгарта, говорит древняя летопись в Пуранах – построена сынами солнца два века по взятии царем Рамою острова Ланки, то есть.

⁷ В «Московских ведомостях»: разоряемого.

⁸ В «Московских ведомостях»: Загир Еддин Могамета.

Захир ад-дин Мухаммад Бабура (Бабер, Babur, 1483–1530) – тимуридский правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель империи Великих Моголов, поэт, писатель.

⁹ Император Бабер – литературная знаменитость в Индии, племянник Самаркандского султана и прямой потомок Тамерлана; он завоевал Кабул в 1504; затем в 1519 завоевал Пенджаб, а в 1526 – Делли. Он первый устроил сообщение и почту между Агрой и Кабулом и написал свою биографию или *мемуары*, знаменитые в Индии изобилием исторических сведений. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Тамерлан, Тимур (1336–1405) – среднеазиатский государственный деятель, эмир (1370–1405), полководец, основатель династии Тимуридов.

¹⁰ Хумайюн (1508–1556) – второй падишах империи Великих Моголов (1530–1540, 1555–1556), отец императора Акбара.

¹¹ Авессалом – третий сын Давида от Маахи, дочери Фалмая (Талмая), царя Гессура (2Цар. 3, 3). За бесчестие сестры Фамари (Тамар) убил единокровного брата Амнона; позже восстал против отца, был разбит, во время бегства запутался длинными волосами в ветвях дерева и был убит.

¹² В «Московских ведомостях»: один.

¹³ В «Московских ведомостях»: и все почти.

¹⁴ В «Московских ведомостях»: попали.

что-то вроде широкой тропы¹⁵, оглянулись вокруг. И¹⁶ оглянувшись – онемели!¹⁷ Ни одного человеческого существа кругом, но зато не было той развалины, куска стены или повалившейся колонны, на которой бы не восседало нескольких десятков обезьян. Их было без преувеличения несколько тысяч. Жители жалуются, что они воруют у них¹⁸ последнюю провизию; что как далеко ни припрятать просо, или кукурузу, или какую-либо зелень, – эти лесные «дакоиты» непременно украдут ее ночью. И однако же ни в одну из них туземец не осмелится бросить камнем: то священные, как и всюду, обезьяны, «дева-саабы», или в буквальном переводе «господа-боги». Жители умирают с голоду, зато мартышки жиреют.

У самой опушки леса протекает Гангес, и на правом его берегу еще доселе виднеются гигантские остатки мраморных ступеней, ширина коих как бы предназначалась, во времена оны, для великанов. Весь песчаный берег на протяжении многих миль, весь лес покрыты глубоко осевшими в землю обломками колонн, разбитыми, резной работы пьедесталами, идолами и барельефами. Рисунок резьбы, архитектурные остатки, самый размер развалин представляют¹⁹ нечто грандиозное, неожиданное даже для тех, кто побывал в Пальмире²⁰ и в египетском Мемфисе. Непонятно, почему эти развалины еще никем не описаны, тем более что они под самыми стенами Каунпура. В пространном сочинении²¹ *О территориях, приобретенных Ост-Индскою Компанией*²² сказано о них всего два слова. «Джаджмóу – бывший город, ныне деревня, с пустым развалившимся базаром. Как говорят местные летописи, он построен на развалинах двух городов. Расстояние от Калькутты 620 миль, шир[ота] 26° 26', дол[гота] 80° 28'». Вот и все! И однако же под Джаджмóу похоронен древнейший город древней Индии... Для прямого доказательства его древности достаточно следующего примера²³. Не много лет тому назад во время сильного урагана несколько толстых и старых баньянов были сломлены грозой, а некоторые так и совсем вырваны с корнями. На концах последних были найдены куски изваянного мрамора, в которых корни совсем вросли. Стали копать глубже, и ярда на четыре²⁴ под землей найдены вершины развалин громадных зданий. Но дело теперь не столько в этих зданиях, как в том, сколько веков потребовалось, во-первых, для такого наноса на берегах Гангеса, чтоб уровень земли пришелся²⁵, наконец, не только в уровень зданий (некоторые из них в 300 ф[утов]²⁶ высоты), но чтоб он даже покрыл²⁷ их на четыре ярда землей; а во-вторых, сколько промежуточного времени прошло между этим событием и временем, когда ныне 1200-летние баньяны стали пускать корни в эту наносную землю? По концентрическим кругам²⁸ стволов²⁹

¹⁵ В «Московских ведомостях» далее: и.

¹⁶ В «Московских ведомостях»: А.

¹⁷ В «Московских ведомостях» далее: Не было видно.

¹⁸ В «Московских ведомостях» далее: они у них воруют.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: представляет.

²⁰ Пальмира – один из богатейших городов поздней античности (обычно ограничиваемый III—VI веками н.э.), расположенный в одном из оазисов Сирийской пустыни, между Дамаском и Евфратом. В настоящее время на месте Пальмиры развалины величественных сооружений, принадлежащих к числу лучших образцов древнеримской архитектуры и признанных ЮНЕСКО памятником Всемирного наследия. Второе открытие Пальмиры произошло в начале XVII века, когда на античные руины наткнулся итальянский путешественник Пьетро делла Валле (1586–1652).

²¹ В «Московских ведомостях»: пространных описаниях.

²² Речь идет о труде Э.Торнтон.

²³ В «Московских ведомостях»: доказательства.

²⁴ 3,7 м.

²⁵ В «Московских ведомостях» далее: бы.

²⁶ 91 м.

²⁷ В «Московских ведомостях»: но даже покрыл бы.

²⁸ В «Московских ведомостях» далее: коры.

²⁹ Как известно, лесные деревья увеличиваются в объеме слоями, нарастающими снаружи, и каждый новый слой образует род кольца вокруг дерева, так что, считая их, можно придти <В «Московских ведомостях»: прийти> к довольно верному заключению о годах оною. Адансон нашел *баобаб* <В «Московских ведомостях»: *баобаб*> возле Гореи, которому между 5 и 6000 лет. Гумбольдт, говоря о нем, называет его древнейшим в мире деревом. В объеме некоторые *баобабы* <В «Московских ведомостях»: *баобабы*> имеют от 90 до 100 футов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Мишель Адансон (1727–1806) – французский естествоиспытатель и путешественник.

Горé (*фр.* Gorée).

было доказано, что этим баньянам не менее двенадцати веков, а есть в лесу деревья старше и этих. Особенно одна группа этих *Ficus indica*³⁰ поразила нас своим ростом, разве немногим менее знаменитого баньяна на берегу Нербудды, возле Броча³¹, и называемого в народе «Кабир-Бар»³². Это последнее дерево – историческое³³. Ему было 700 лет уже тогда³⁴, когда Александр Македонский отдыхал под тенью его со всею своею армией. Теперь оно состоит из 356 толстых стволов и около 3000 меньших, а еще³⁵ 200 лет тому назад другая семитысячная армия отдыхала под его сенью.

Мы кочевали в лесу целые три дня. Такуру были известны все закоулки и тропинки, и³⁶ он сдержал свое слово. Он повел нас туда, куда действительно не заходила еще нога англичанина: в³⁷ темное подземелье на глубине³⁸ 140 с лишком футов³⁹ под землей. Мы отправились туда до зари, когда еще все спали. Такур кроме нас взял с собою лишь одного Нараяна да доверенного слугу, старого, седого раджпута, который сопровождал нас от самого Бомбея. У*** и мисс Б*** оставались в Джаджмбю с бабú и Мульджи и даже не знали когда и куда мы ушли. Это подземное путешествие осталось для меня, как и для полковника, самым интересным событием нашего путешествия – вероятно вследствие его необычайной таинственности...

Более часу нам пришлось идти лесною чащей, спугивая еле продравших глаза обезьян, кидавших в нас непечатными продуктами. Словно стая лесных демонов-карликов, они шелкали на нас зубами, сверкая хитрыми глазками из-за каждого куста. Наконец, мы вступили в узкое, заросшее кустарниками ущелье – не то природное, не то искусственное, разбирать было некогда. Впереди шел Такур, за ним я, за мною Нараян, потом полковник со слугой-раджпутом в замке⁴⁰. Пробираясь гуськом, мы шли в глубоком молчании, так как путь становился⁴¹ труден и было не до разговоров. Наконец, мы стали спускаться по крутым извилистым ступенькам, у подошвы коих вышли на маленькую поляну. Направо у одинокой скалы стояла лачуга, в которую мы и вошли. Если не светло было в лесу, так как не совсем еще рассвело, то в этой мазанке, осененной густыми баньянами и прислоненной в упор к скале, которая таким образом служила ей заднею стеной, царила полная темнота. Раджпут высек огня и зажег глухой фонарь, который и подал Такуру. Тогда взяв в одну руку фонарь, а другую мою руку, последний прошел со мной, как мне показалось, в этой египетской темноте прямо сквозь стену.⁴² Новость ли необычайного положения, или просто следствие⁴³ постоянно возбужденных нервов⁴⁴, но, признаюсь, при вступлении в эту неизвестную остальному миру подземную область меня стало сильно коробить: однако любопытство и стыд превозмогли и я молча последовала за ним. Фонарь слабо освещал наш путь, бросая резкую полосу света лишь под самые ноги; кругом царила непроницаемая мгла, а меня неудержимо увлекала вперед мощная, одетая вся в белом фигура гиганта, лицо которого мне казалось теперь темнее самой ночи... Он быстро и не колеблясь шел твердо вперед. Все молчали и даже наши шаги беззвучно падали на ровный, мягкий грунт прохода, словно мы ступали по

Фридрих Гумбольдт (1769–1859) – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник.

90–100 футов = 27–30 м.

³⁰ В «Московских ведомостях»: *Indica*.

Опунция индийская.

³¹ Бхаруча, Броча (*англ.* Bharuch, Broach).

³² Кабир-Вад (*англ.* Kabirvad).

³³ В «Московских ведомостях»: дерево историческое.

³⁴ В «Московских ведомостях» слово «тогда» отсутствует.

³⁵ В «Московских ведомостях»: еле.

³⁶ В «Московских ведомостях»: тропинки; и.

³⁷ В «Московских ведомостях»: англичанина, в.

³⁸ В «Московских ведомостях»: глубину.

³⁹ 43 м.

⁴⁰ То есть замыкающим.

В «Московских ведомостях»: замке.

⁴¹ В «Московских ведомостях»: был.

⁴² В «Московских ведомостях»: стену!

⁴³ В «Московских ведомостях»: вследствие.

⁴⁴ В «Московских ведомостях»: нерв.

толстому ковру. Невзирая, однако, ни на торжественность шествия, ни на радклифовскую⁴⁵ обстановку, полковник и тут не утерпел, чтобы не побалагурить. «Великолепная *темная камера* для вызывания духов... Жаль, что между нами нет медиума!» – неожиданно раздалось трунящее слова. Несмотря на выражение шутливости, звук его голоса в этой зловещей тишине заставил меня, да кажется и его самого, сильно вздрогнуть. Как-то глухо, словно надорванный, и вместе с тем протяжно⁴⁶ прозвучал он, словно сверху, и понесся далеко, далеко вперед, пробуждая по дороге сонное эхо...

Вдруг Такур остановился, крепко сжав мне руку.

– Что́ это?.. Неужели вы в самом деле и серьезно... *трусите*? – неожиданно спросил он меня, презрительно подчеркивая последнее слово. – Рука ваша дрожит, как в лихорадке!..

Я почувствовала, как вся кровь мне хлынула в лицо при этой *заслуженной* обиде; но сделала то, что⁴⁷ всякий другой сделал бы на моем месте: внутренне «поднялась на дыбы» и попробовала оправдаться.

– Я не трушу... да и бояться мне нечего... – пробормотала я, чувствуя в темноте вперяемый в меня взгляд Гулаб-Синга. – Я просто устала...

– Жен-щи-на... – тихо и как бы про себя прошептал с какою-то снисходительною горечью в голосе Такур, но пошел тише.

Не имея в руках достаточно веских доказательств противного⁴⁸ и не отрицая этого нового как мне самой, так и моему полу оскорбления, я проглотила оное и смолчала. Так шли мы с четверть часа, если не долее, по ровной, немного покато́й и мягкой дороге и, как мне казалось, необыкновенно высокому проходу: мой старый приятель не выпуская моей руки⁴⁹, полковник уже начиная громко пыхтеть, а я внутренне злясь на собственную слабость и посрамление. Но вот, наконец, Такур снова остановился и, высоко подняв фонарь, разом открыл⁵⁰ все его глухие стенки. Пред нами явилась гладкая и ровная стена из скалы. Ни одной трещины не было видно на ней.

– Вот взгляните, – обратился Гулаб-Синг к полковнику, – и убедитесь, какие чудеса совершали наши механики-предки, незнакомые, по мнению европейцев, с науками. Держу пари на⁵¹ что́ угодно, что явись сюда все лучшие механики Запада⁵², им никогда не открыть секрета этой... двери! Я вам теперь хочу доказать, что это – дверь, а не скала...

Наш любознательный президент, получивший когда-то медаль за лучшее сочинение о механике в Ранселаровском⁵³ (Rensselaer) Технологическом институте Трои (Нью-Йорк)⁵⁴, стал зорко исследовать стену. Его старания увенчались полным *фиаско*. Ни постукиванье, ни ощупыванье впадин ни к чему не привели. Между тем, пользуясь полным светом открытого фонаря, я разглядела местность. Род полукруглой комнаты со скалистыми стенами и теряющимся на огромной высоте потолком; грунт⁵⁵ словно усыпан черным порошком.

– Если верите мне на слово, – заметил, наконец, Такур, терпеливо следивший за исследованиями полковника, – то я могу вас уверить, что этот ход прорыт и устроен много тысяч лет тому назад. Как видите, – добавил он, дотрагиваясь и напирая плечом на угол скалы, – «сыны Солнца» были хорошо знакомы с законом рычага и подъема, а также⁵⁶ и с правилами центра тяжести еще до Архимеда⁵⁷. Иначе как бы они могли придумать вот это?..

---

⁴⁵ Анна Радклиф (1764–1823) – английская писательница, одна из основательниц готического романа.

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: Каким-то глухим, надорванным и вместе с тем протяжным.

⁴⁷ В «Московских ведомостях»: что́.

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: доказательств в противном.

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: мою руку.

⁵⁰ В «Московских ведомостях»: поднял фонарь, разом открыв.

⁵¹ В «Московских ведомостях»: во.

⁵² В «Московских ведомостях»: Запада.

⁵³ Ренселаровском.

В «Московских ведомостях»: Ранселаровском.

⁵⁴ Трой (Троу) – американский город в штате Нью-Йорк.

⁵⁵ В «Московских ведомостях»: потолком: грунт.

⁵⁶ В «Московских ведомостях»: подъема, как.

⁵⁷ Архимед (287–212 до н.э.) – древнегреческий математик, физик и инженер из Сиракуз.

И когда он напер сильнее и повернул какой-то незаметный в стене штифт⁵⁸, пред ним неслышно и тихо образовалось отверстие фута в два⁵⁹ шириной⁶⁰ и во весь его рост в высоту – точно одна из новомодных дверей в американских домах, вся до замка ускользящая в стену. Но здесь дверной ручки не было; не⁶¹ видно было и продолбленной дверной⁶² стены...

Мы все вошли, и Такур снова неуловимым движением и давлением на *что-то* задвинул стену. Невзирая на любопытство полковника и его бесконечные расспросы, он отказался выдать секрет прохода. «Довольно того, что я доказываю вам, что эти тайные подземные ходы существуют уже много тысяч лет в Индии, – говорил он нам, – и еще более тысяч народа нашли здесь в разные времена спасение через тех, кто посвящен в тайну их существования. Теперь таких уже немного осталось, – добавил он, как мне слышалось, с нотой грусти в голосе. – И не успели они спасти против ее воли одну из храбрейших, благороднейших женщин Индии, последнюю из великих героинь нашей “матери”⁶³!.. Через несколько минут мы сядем отдохнуть и тогда я вам расскажу эпизод из последнего мятежа. В Европе он почти, если не совсем, неизвестен»...

Теперь мы шли по широкому, высокому корридору со сводом. По всей вероятности, последний сообщался, так или иначе, с поверхностью земли, ибо воздух в подземелье, хотя и немного сырой, был, однако же, чистый, невзирая на его 140 футов глубины под землей. Впрочем, дорога шла все время покато, немного под гору, и только к концу третьего корридора из пещеры, – которую тотчас опишу, – шла незаметно в гору. Очевидно, часть этих проходов была уже подземельем в то время⁶⁴, когда Асгарта еще находилась в числе других городов, процветая на земной поверхности. По обеим сторонам корридора нам попадались бездверные отверстия, продолговатые квадраты, ведущие в другие боковые ходы; но Такур нас туда не водил, заметив только, что они ведут в жилые, то есть иногда *занимаемые* покои. Что подземелье посещалось⁶⁵ еще весьма недавно, в этом мне служила⁶⁶ порукой находка старого измятого конверта с какими-то иероглифическими⁶⁷ знаками, но совершенно современного покроя и с клеем под запечатанную стороной. Весь этот проход, то есть корридоры, насколько мы могли судить, длиной⁶⁸ верст в пять или шесть. Пройдя⁶⁹ мили три, считая от потаенной двери, то есть почти на середине между двумя ходами, мы очутились в природной и огромной пещере с небольшим озером в центре и искусственными вырубленными из скал скамьями кругом бассейна. В воде, посреди озера, стоял высокий гранитный столб с пирамидальной верхушкой и толстою заржавленной цепью, обмотанною вокруг него. Уже идя по корридору, мы замечали, что временами темнота почти рассеивалась и слабый, словно сумеречный свет озарял нас в такие минуты сверху; в пещере же⁷⁰ – вероятно, самая низкая местность подземелья – было темно, как в Гизехской⁷¹ пирамиде⁷². Но тут Такур приготовил нам сюрприз. Он дал старому раджпуту приказание на непонятном для нас диалекте и тот, словно снабженный глазами кошки, тотчас⁷³ отправился куда-то в темноте, пошарил в углу и тут же начал зажигать один за другим факелы, вставляя их в приделанные к стенам железные кольца. Скоро вся пещера осветилась ярким блеском. Тогда уставшие и крепко проголодавшиеся, мы разместились на окраине озера и принялись за корзину с провизией.

А теперь постараюсь вкратце рассказать историю как пещеры, так и обещанный Такуром эпизод из мятежа 1857 года. Последний принадлежит прямо истории, хотя англичане и старались

⁵⁸ В «Московских ведомостях»: блок.

⁵⁹ 0,6 м.

⁶⁰ В «Московских ведомостях»: шириною.

⁶¹ В «Московских ведомостях»: было: не.

⁶² В «Московских ведомостях»: двойной.

⁶³ Говоря о родине, индусы всегда называют Индию «матерью». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁶⁴ В «Московских ведомостях»: подземельем даже и тогда.

⁶⁵ В «Московских ведомостях» далее: кем и когда, не знаю, но что оно было посещено.

⁶⁶ В «Московских ведомостях»: служило.

⁶⁷ В «Московских ведомостях»: иероглифическими (*англ. hieroglyph*).

⁶⁸ В «Московских ведомостях»: длиною.

⁶⁹ В «Московских ведомостях» слово «Пройдя» отсутствует.

⁷⁰ В «Московских ведомостях»: но в пещере.

⁷¹ В «Московских ведомостях»: Гизейской.

⁷² Речь идет о пирамиде Хеопса на плато Гиза в пригороде Каира (Египет).

⁷³ В «Московских ведомостях» далее: же.

исказить оный, как исказили и даже *скрыли* многие из фактов этой позорной для них эпохи. Услыхав о нем впервые от Гулаб-Лалл-Синга, мы впоследствии узнали касающиеся этого случая интересные подробности от многих старых индусов, из коих некоторые были даже очевидцами в этом деле; а в одном случае и от англичанина, старого англо-индусского офицера.

О древнем городе Асгарте и его печальном конце *Пураны* рассказывают следующую легенду. Судаза-риши был священным главой духовенства, «браматмой»⁷⁴, а его брат Агасти⁷⁵ – махан-кшатрией (великим царем-воином) Асгарты. В отсутствие обоих царством управляла махарани (великая царица), бывшая некогда *кумарикой* (Девой Солнца)⁷⁶ во храме *Сурья-Нари* (Солнца-Природы). Ее красота пленила царя; и вот в самый момент ее приношения себя в жертву на алтаре огня (то есть⁷⁷ религиозного самосожжения) он, воспользовавшись древним обычаем, дававшим⁷⁸ право царям спасать индийских весталок от смерти, потребовал ее себе в жены. До него уже раз явился⁷⁹ другой претендент на ее руку, царь Гиммавата⁸⁰, но она отказалась от предложения, предпочитая смерть в пламенных объятиях супруга-бога, священного огня. Оскорбленный загималайский царь поклялся отомстить. Много лет спустя, когда Агасти-царь был на войне в Ланке (Цейлоне), его побежденный соперник, воспользовавшись его отсутствием с войсками, сделал набег на Асгарту. Царица защищала свой город с храбростью отчаяния; но, наконец, он был взят приступом. Тогда, собрав всех «дев Сурьи» из храмов, жен и дочерей своих подданных и собственных детей, всего 69000 женщин, включая *кумарик*, царица заперлась в громадных подземельях храма Сурьи-Нари и, приказав построить священные костры вдоль всего подземелья, сожглась на них вместе с другими женщинами и всеми сокровищами города, предоставляя в распоряжение победителей одни пустые здания.

Вернулся царь и, найдя на месте дворца, царицы и детей⁸¹ лишь пепел, бросился догонять победоносную армию. Настигнув ее, он разбил ее совершенно и, захватив вместе с царем ее 11000 пленных, вернулся к развалинам Асгарты. Здесь он заставил пленных выстроить на пепелище погибшего новый и еще более богатый город и затем, когда он был окончен, соорудить посреди города, пред⁸² храмом Нары, костер, способный вместить⁸³ в себе 11000 человек. На нем и Гиммаватский царь, и его воины, среди проклятий и поруганий всего народа Асгарты, были сожжены живыми в отмщение за погибшую царицу⁸⁴.

По преданию и древним летописям, уже пройденное нами подземелье, как и то, которое нам оставалось пройти по другую сторону пещер,⁸⁵ есть то самое подземелье храма, в котором сожглась царица. Этот мягкий грунт, принятый мною за черный и мельчайший песок, есть пепел 69000 женщин и *кумарик*, то есть девственниц!

Это – легенда; а теперь следует быть. Всего двадцать два года прошло с того времени и в Пуне, как и в Гвальиоре⁸⁶, все подробности этой эпической трагедии еще свежи в памяти людской.

По дороге от Агры к Сагору⁸⁷ расположена территория Джанши (Jhansi)⁸⁸. Теперь она находится в британской провинции Бунделькунд⁸⁹, но в 1854 году принадлежала независимым

---

⁷⁴ «Душа Брамь», высший <В «Московских ведомостях»: Брамь». Высший> духовный сан. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

⁷⁵ Агастья.

⁷⁶ В «Московских ведомостях»: *кумарикой* «Девой Солнца».

⁷⁷ В «Московских ведомостях»: т.е.

⁷⁸ В «Московских ведомостях»: дающим.

⁷⁹ В «Московских ведомостях»: являлся.

⁸⁰ Химавата (*англ.* Himavat).

⁸¹ В «Московских ведомостях» далее: один.

⁸² В «Московских ведомостях»: перед.

⁸³ В «Московских ведомостях»: поместить.

⁸⁴ В «Московских ведомостях»: воины, при проклятиях и поругании всего народа Асгарты, были сожжены живыми в честь погибшей царицы.

⁸⁵ В «Московских ведомостях» далее: и.

⁸⁶ Гвалиоре (*англ.* Gwalior).

⁸⁷ Сагару (*англ.* Sagar).

⁸⁸ Джханси.

⁸⁹ В «Московских ведомостях»: Бунделькундо.

Бунделкханд (*англ.* Bundelkhand).

пейшвам махратским⁹⁰. Радж Джанши состоит из двух частей, разделенных лишь одною узкою полосой земли, принадлежащею⁹¹ к территории туземного раджи или такура Техри. К северу западная часть Джанши обрамлена Гвальйором и Дуттеей, к⁹² востоку – Техри, к югу и к западу – снова Гвальйором. В 1832 году, по статистике Ост-Индской Компании, в этом радже было 956 деревень и 286000 населения, разбросанного на пространстве 2922 квадрат[атных] миль. Давало оно круглым счетом 28 *лак[ов]* рупий дохода⁹³. Часть владения Урзхского раджи из фамилии принцев Бунделлы, она была им уступлена еще при Сиваджи пейшвам, которые и посылали туда управлять своих *субадаров* (губернаторов). В 1804 году англичане заключили с одним из них, в качестве данника пейшвы, оборонительный союз; а в 1817, когда друзья и союзники отняли по своему обыкновению у пейшвы все права и он *уступил* (!) им, между прочим, и право владения Бунделькундом, Компания заключила с субадаром Джанши другой договор, по которому она признавала его независимым раджей «с правом передачи наследия детям, а если не будет таковых – ближайшим наследникам» за плату Компании 74000 рупий в год. В 1832 году принц Рам-Рамчунд-Рао⁹⁴ был формально признан раджей⁹⁵. Но в 1838⁹⁶ он умер без прямого наследника мужского пола⁹⁷, оставив престол внучке, недельному ребенку его дочери, с тем, чтобы выбранный для нее муж наследовал трон. Но Компания, невзирая на договор и не только против желания народа, а даже и против самого закона престолонаследия в Индии – закона, запрещающего прокаженным царствовать, – выбрала дядю умершего раджи Ругоната-Рао⁹⁸. Прокаженный, полубезумный и болезненный раджа умер три года спустя. Компания только этого и ждала. Под тем предлогом, что из туземцев никто не умеет управлять своим домом и делая вид все время, что они ищут приличного для Джанши наследника, англичане, назначив пенсию Лакшми-бай, замужней внучке (прямой наследнице) и ее мужу Гунгадару-Рао⁹⁹, овладели раджем¹⁰⁰ в 1843 году. В 1854 году, за три года до мятежа, Гунгадар-Рао, муж Лакшми-бай, умер, оставив вдову и сына, который имел все права на престол прадеда и матери. Но англичане объявили ребенка *незаконным* сыном и даже отняли у Лакшми-бай пенсию. Ей было тогда 16 лет. Ее-то Такур и назвал¹⁰¹ величайшею героиней современной Индии.

Махарани Лакшми-бай была двоюродною сестрой как махараджи Синдии Гвальйорского, так и Нана-Саиба. При самом начале восстания, когда последний¹⁰² сбросил маску, она открыто приняла его сторону и, успев собрать двадцатидвухтысячную армию в Джанши, приготовилась поддерживать Нана-Саиба до конца. Говорят, будто Нана-Саиб успел привлечь на свою сторону не только войско Гвальйора, но и самого Синдию. Но на следствии махараджа вполне оправдался, где и доказал, что обвинение шло от его врагов. Получив известие, что войско Синдии готово, по соглашению с Нана-Саибом, махарани во главе своей армии направилась на Гвальйор, столицу Синдии, где ожидала по прибытии своем найти ворота крепости отпертыми, а¹⁰³ войско и народ приготовленными объявить свою независимость. По предварительному соглашению эта индийская Иоанна д'Арк¹⁰⁴ должна была, вступив в Гвальйор, завладеть городом во имя Нана-Саиба, а затем уже при счастливом окончании дела возвратить Синдии его владения. Но вышло иначе. «Деван» (первый министр), на которого надеялись, что он все приготовит и предупредит народ, как и армию, оказался изменником общему делу. Махараджи Синдии тогда не было дома –

⁹⁰ В «Московских ведомостях»: маатским.

⁹¹ В «Московских ведомостях»: земли и принадлежащей.

⁹² В «Московских ведомостях»: Дуттеей. К.

⁹³ 2800000 <В «Московских ведомостях»: 2 мил. 800 тыс.> рупий. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹⁴ Рамчандра Рао (*англ.* Ramchandra Rao).

⁹⁵ В «Московских ведомостях»: раджою.

⁹⁶ Правильно: 1835.

⁹⁷ В «Московских ведомостях»: прямого мужского наследника.

⁹⁸ В «Московских ведомостях»: Ругоната Рао.

Рагхуната Рао (*англ.* Raghunath Rao).

⁹⁹ Гангадхару Рао (*англ.* Gangadhar Rao).

¹⁰⁰ В «Московских ведомостях»: раджей.

¹⁰¹ В «Московских ведомостях»: лет, и говоря про нее, Такур и назвал ее.

¹⁰² В «Московских ведомостях»: восстания последнего, когда тот.

¹⁰³ В «Московских ведомостях»: и.

¹⁰⁴ Жанна д'Арк (1412–1431) – национальная героиня Франции.

он был с англичанами. Вместо того чтоб¹⁰⁵ отпереть ворота города Лакшми-бай и ее армии, «деван» заперся и послал предупредить англичан, угрожая все время своим солдатам мстостью махараджи и его союзников Компании. Солдаты колебались и, услышав ночью условленные знаки, не знали, что¹⁰⁶ им делать. Между тем, «царица Джанши»¹⁰⁷, видя, что ей не отпирают ворот, и подозревая измену, ворвалась в город с другой стороны, взяв его положительно приступом. Рассказывают, будто ей отперли другой, потайной ход.

Тогда началось царство ужаса и продолжалось в городе целую неделю, пока не успели на помощь англичане. Лакшми-бай перерезала большую часть армии Синдии, умерщвляя всякого, кто только колебался присоединиться к ней. Деван успел скрыться¹⁰⁸. Когда английская армия прибыла на помощь Гвальйору¹⁰⁹, некий *брамачариа*, одетый в платье *санньязи* (аскета), предложил ей спастись, уверяя ее наперед, что иначе она погибнет. Он умолял ее последовать за ним с сыном в окрестности Каунпура, где в подземелье Джаджмоу она найдет друзей и полную безопасность. Но Лакшми-бай гордо отвергла предложение, уверяя его, что смерти не боится и предпочитает ее даже жизни в виду унижения ее родины. Тогда началась возле городских ворот и вне крепости, которую наша героиня не успела взять, памятная на долгие годы в стране битва. Махарани сама повела своих солдат на бой верхом на бешеной лошади. На¹¹⁰ минуту произошла в их рядах паника и большая часть непривыкших к регулярной службе новобранцев бросилась бежать. Одна с горстью приверженцев она защищала свою позицию с мужеством отчаянной решимости в продолжение трех часов против неприятеля втрое ее сильнее. Заметив, наконец, что ее силы слабеют, она приказала своим приближенным тут же воздвигнуть костер и приготовить все необходимое, дабы зажечь его тотчас же, как раздастся ее приказание. «Братья, – воскликнула она по словам очевидца, – клянусь тенью всех павших в честном бою предков моих умереть прежде, нежели коснется одной нитки моего *сари* рука *беллати*¹¹¹. Поклянитесь и вы, коли мне суждено здесь пасть, сжечь мое тело, не позволяя врагу прикоснуться даже и до праха его!» Все поклялись, и Лакшми-бай ринулась верхом в самую густую толпу сражающихся. Говорят, будто еще и в эту торжественную¹¹² минуту тот же таинственный аскет снова предложил ей спасенье, но¹¹³ она снова отвергла его. Все увеличивающая народная молва уверяет, будто она собственноручно убила *несколько сот* англичан! Но что она убила многих также верно, как и то, что англичане тщательно скрывают это постыдное для них событие. Наконец, ее лошадь, чего-то испугавшись, рванулась так бешено, что махарани выпустила поводья¹¹⁴ из рук. В несколько скачков обезумевший конь отнес ее назад под городские стены, где сраженный неприятельскою пулей¹¹⁵ пал, далеко сбросив с себя¹¹⁶ наездницу. Махарани не была, однако, убита. Она была в полной памяти и только обе ноги ее, вероятно, были сломаны. Ее посадили у стены, и она продолжала отдавать приказания. Но заметив, что несколько англичан, видя ее падение, спешили к ней с целью овладеть ею и уже перерезывали¹¹⁷ ее приближенным дорогу к костру, она мигом решила и отдала последнее приказание. Пока часть ее верных товарищей удерживала приближение неприятеля, другая, положив махарани на сено и навалив на нее целую кучу соломы и хвороста, мгновенно зажгла ее. Затем¹¹⁸ и они кинулись отражать наступление англичан, позволяя им рубить и резать себя одного за другим лишь бы дать огню время довершить свою работу, а махарани превратиться в пепел...

¹⁰⁵ В «Московских ведомостях»: чтобы.

¹⁰⁶ В «Московских ведомостях»: что.

¹⁰⁷ Так зовут ее в народе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰⁸ Он еще жив и получает от англичан огромную пенсию. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰⁹ В «Московских ведомостях»: Гвальйора.

¹¹⁰ В «Московских ведомостях»: Одну.

¹¹¹ В «Московских ведомостях»: *беллати!*

¹¹² В «Московских ведомостях» далее: верховную.

¹¹³ В «Московских ведомостях»: спасенье, и что.

¹¹⁴ В «Московских ведомостях»: узду.

¹¹⁵ В «Московских ведомостях» далее: он.

¹¹⁶ В «Московских ведомостях» далее: и свою.

¹¹⁷ В «Московских ведомостях»: перерезали.

¹¹⁸ В «Московских ведомостях»: зажгли ее, затем.

– Этот благородный пепел, вполне достойный смешаться навеки с пеплом царицы Асгарты, покоится здесь и его уж никто и никогда не потревожит, – так кончил наш собеседник.

Мы вышли из пещеры другим корридором, и¹¹⁹ этот узкий проход повел нас в гору. Дорога шла отлого¹²⁰; ноги также утопали, как и в первом, словно в мягком ковре. Наконец, круто повернув вправо, она привела нас к такой же глухой стене, как и первая. Единственная между двумя разница состояла в том, что запиравшая отверстие скала вместо того, чтоб уходить в боковую стену, при открытии опускалась¹²¹ вниз, оставляя низкую, фута в полтора¹²², стенку, которую нам и пришлось перешагнуть. За этою стеной в небольшой пещере находится глубокий колодезь. Здесь, кругом нас на 16 миль в квадрате, погребены развалины давно усопшего города Асгарты.

Чтобы выбраться снова на землю, нам пришлось всходить три раза сряду по бесчисленным ступеням. Еще нечто вроде двери – камень между двумя скалами, поворачивающийся на чем-то неизвестном мне, – и мы снова в какой-то пещере; свет, хотя и слабый, ослепляет нас после восьми часов темноты. Выйдя на чистый воздух, мы почувствовали, как должен чувствовать себя человек, вышедший из прохладного погреба и залезший в духовую печь. Жара стояла невыносимая. Все спало в лесу и, кроме неумолкаемой трескотни кузнечиков, неслышно было ни¹²³ шороха. Даже обезьяны дремали в листве... Был полдень и нам приходилось под страхом апоплексии выжидать в тени, пока не спадет полуденный зной. Шагах в десяти стоял старый разрушенный храм, от которого остался один *гопарам*¹²⁴, ворота с комнатой¹²⁵ или двумя внутри здания. Там мы скрылись от этого ужасного, невыносимого зноя, спугнув по дороге сотни разноцветных попугаев, сверкавших¹²⁶, словно подвижная радуга, пред нами своими блестящими крыльями на солнце... Мы вернулись на кочевку¹²⁷ к вечернему чаю.

Говорить подробнее о подземном путешествии не приходится по многим причинам, из коих главная та, что эта местность совершенно никому неизвестна; да и многое из виденного и слышанного нами так странно, что, вероятно, у меня не достало бы¹²⁸ и слов для более точного описания. Есть и другие подземелья, например, в Амбере возле Джейпура, в которых не был еще, кроме нас, ни один европеец; также подземный, ведущий далеко под море ход из Элефанты, где, забравшись мили на две в его глубину, мы чуть было не задохлись вместе с сопровождавшими нас парсами. Но про эти ходы известно и англичанам, хотя никто из последних еще не посещал их. Про подземелья же в Джаджмбу, к удивлению своему, сколько я ни расспрашивала англичан, никто ничего не знает. Недаром наш друг Такур, взявший с нас честное слово никогда не намекать о дороге, ведущей к ним, так спокоен насчет их открытия англичанами. Индусы – народ скрытный и загадочный вообще¹²⁹; а изо¹³⁰ всех индусов Такур загадочнее всех их, взятых вместе. Недавно, собираясь описывать эту поездку, спрашиваю его:

---

¹¹⁹ В «Московских ведомостях» далее: тут же.

¹²⁰ В «Московских ведомостях»: шла ровная, хотя и отлогая.

¹²¹ В «Московских ведомостях»: Единственною между двумя разницей был блок скалы, который вместо того, чтоб уходить в боковую стену, при открытии исчезал.

¹²² 0,46 м.

¹²³ В «Московских ведомостях»: и.

¹²⁴ Гопурам (гопура, *санскр.* gopuram) – надвратная башня в храмовой ограде индуистских храмов, отличительная черта индийской средневековой архитектуры, особенно характерная для Южной Индии, служит в качестве входа в храмовый комплекс.

¹²⁵ В «Московских ведомостях»: комнату.

¹²⁶ В «Московских ведомостях»: сверкнувших.

¹²⁷ То есть на стоянку.

¹²⁸ В «Московских ведомостях»: б.

¹²⁹ Они до того загадочны, что при всех стараниях полиции вообще и тайной полиции в особенности, англичане до сей поры не могут сообразить следующего: «как могли во время мятежа 1857 года без телеграфов и железной дороги передаваться с такою быстротой новости с одного конца Индии на другой? Едва что случалось в Калькутте, как за 2000 миль оттуда где-нибудь на севере Индии через несколько часов уже знали на базаре об этом, а англичане узнавали только чрез неделю». Сэр Джон Кей в своем сочинении *Sepoy War 1857–8*, в подробной истории о мятеже, замечает этот странный, «необъяснимый для правительства факт». «Когда был вырезан наш штаб в Аллахабаде, пишет капитан Морель, я был в то время в Мадрасе. На другое утро, 8 июня, является ко мне знакомый браман и рассказывает о случившейся катастрофе. Не веря, я бегу в дом губернатора. Там ничего не знают. Мы официально узнали об этом лишь чрез шесть дней!» (*A few Days in 1857 in India* <«Несколько дней в 1857 году в Индии»>). –

– Вы ничего не имеете против моего описания для русской публики вашего подземелья в Джаджмóу?

– Ровно ничего, – говорит, – коли надеетесь на свою память.

– В памяти я уверена. Но вы говорили, что англичанам самое даже существование этого места неизвестно? А если они, которые с жадностью читают все русские газеты, немедленно переводя все сколько-нибудь касающееся Индии и вообще Азии, прочтут мое описание да примут к сведению?

– Чтò ж из этого? Пусть принимают.

– А если пойдут искать, да и отыщут его?

Гулаб-Синг¹³¹ как-то странно прищурился и посмотрел на меня не то пытливо, не то немного презрительно.

– Чтò же в моих словах такого странного? Кажется, предположение весьма естественное?

– Весьма... – подчеркнул Такур, – только с точки зрения европейцев, а не с нашей. Извиняясь заранее в смелости, осмеливаюсь предположить, что я, быть может, немного более вас изучил не только англичан, но и человеческую природу вообще. А изучив ее, скажу вам наперед следующее: девять шансов из десяти, что, прочитав это описание, всякий англичанин примет ваш рассказ за сочиненную вами сказку. Они народ слишком гордый и чванный, чтобы допустить, что есть такие места в их владениях, о которых они еще никогда не слыхали и куда не ставили еще своих часовых...

– Ну, а если билет вынется, как нарочно, с *десятым* номером¹³²... чтò тогда?

– Тогда они пойдут на поиски и – ничего не отыщут.

– Да как же вы можете так наверное ручаться?.. Ведь подземелье существует... Не исчезло же оно с лица земли?..

– Именно потому, что оно существует в действительности, они и не найдут его. Вот если бы вы выдумали его¹³³, то они нашли бы его непременно¹³⁴, если бы даже им пришлось для того прорыть его самим... Они бы сделали это хоть бы для того, чтобы задать нам, туземцам, острastку и вместе показать дóма – вот какие мы в Индии тонкие молодцы: ничто не ускользает от нашего всевидящего ока!.. Ведь сочиняли же они подложные политические корреспонденции и ловили мнимых политических преступников, подкупая для этого воров из острога; и все это только¹³⁵ для того, чтоб оправдать ими же сочиненные и посланные самим себе доносы...

– Последнее предположение. Они, то есть все власти и их шпионы, знают, что вы были с нами в Каунпуре и Джаджмóу... Ведь я опишу дело, как оно было... Если они пристанут к вам показать им, где это подземелье, – извините меня, – если они вздумают *заставить* вас открыть им эту тайну... Чтò вы тогда станете делать?..

Такур засмеялся тем тихим, неслышным смехом, от которого меня всегда бросало и в жар, и в холод.

– Успокойтесь, этого никогда быть не может. Но в случае, если б они вздумали «приставать», то предупреждаю вас наперед, что *вы*, а не *я* увидите себя в фальшивом положении. Поверьте, что я даже и слова не вымолвлю в таком случае, а предоставлю защиту коллектору моего округа и всем знающим меня жителям. А коллектор мистер В.¹³⁶ донесет, что *с 15 марта по 3 июня 1879 я не выезжал из своего «раджа» и что он посещал меня два раза в неделю, а жители, между прочим, все англичане, подтвердят это...*

Примечание Е.П.Блаватской.

Джон Уильям Кей (1814–1876) – английский военный историк, колониальный чиновник, секретарь политического и тайного департамента министерства по делам Индии (1858–1874), автор многих трудов, среди которых «A History of the Sepoy War in India, 1857–1858» («История сипайской войны в Индии, 1857–1858»).

¹³⁰ В «Московских ведомостях»: из.

¹³¹ В «Московских ведомостях»: Гулаб Синг.

¹³² номером (*устар.*).

¹³³ В «Московских ведомостях»: выдумали о нем.

¹³⁴ В «Московских ведомостях»: они непременно бы его нашли.

¹³⁵ В «Московских ведомостях» далее: лишь.

¹³⁶ В «Московских ведомостях»: В–.

С этими словами он встал и, сев на свою лошадь, простился и уехал, бросив мне на прощание следующее немного насмешливое замечание.

– Почем вы знаете... Быть может, у меня есть брат-близнец, о котором миру так же мало известно, как и о подземелье?.. Вот запишите и это; не то и ваши земляки примут вас, вместе со всем нашим Теософическим Обществом, за дополненное издание барона Мюнхгаузена¹³⁷.

И наверное примут.

Подобное событие уже раз случилось с Такуром. Его все видели в Пуне, где он открыто показывался в продолжение целого месяца. Когда же его захотели замешать в одно политическое дело, коллектор, магистрат и *два миссионера* показали, что Гулаб-Лалл-Синг не выезжал из своего поместья более шести месяцев. Заявляю *факт*, отказываясь, как и всегда, объяснить оный. Еще не прошло и года¹³⁸, как оно случилось.

---

¹³⁷ В «Московских ведомостях»: Мюнхаузена.

¹³⁸ В «Московских ведомостях»: году.